

30.10.2002

Гусман Юлий

Юлий Гусман: всю жизнь борюсь с лишним весом

Определить главное дело в жизни Юлия Гусмана, которому следующим летом стукнет ровно 60, сложно. Одни знают его как бывшего капитана бакинской команды КВН, другие как режиссера кино, театра и ТВ, третьи как ведущего программы «Тема». В моем же сознании Гусман — главный оппонент Никиты Михалкова и герой связанных с боданием «Ники» и «Золотого Орла» скандалов. Мы встретились сразу по его возвращении из Владикавказа, где проходил первый молодежный кинофестиваль «Легко ли быть молодым». Именно тогда в Северной Осетии обрушился ледник...

Ненавидел, когда щипали за щеки

— Когда нас предупредили об опасности, я не поверил. «Ребята, что вы как дети, к чему эта паника?» — говорил я. А спустя 10 минут, когда нас вывели из опасной зоны, сам пришел в ужас. Мы две ночи оплакивали наших погибших ребят и вернулись в Москву.

— Где в это время решили перенести первое вручение «Золотого Орла», которое должно было состояться 27 сентября, на 24 января. Вы довольны?

— Да как же можно об этом думать, когда поводом для отмены послужила такая трагедия! Хотя команда Михалкова, как мне кажется, оказалась попросту не готова проводить «Орла». Его академика при всей мощной поддержке работает позорно. Притом Иван Дыховичный своей лексикой — вы без всякого регламента выкидываете его из числа номинантов «Золотого Орла». Вам нравится последняя работа вашего брата Андрея «Дом дураков», не менее замечательная, уверен, как и все, что Кончаловский делал до этого. Но зачем же так подставлять Андрея Сергеевича, номинируя картину, которую в России никто не видел и в ближайшее время не увидит?!

— Ничего другого услышать от вас в адрес Михалкова я и не ожидала...

— Ну, здесь не только его вина. Команда пока у него слабая. Мы все-таки уже 16 лет все время над «Никой» работаем. К сожалению, Михалков считает, что все люди кругом — шестерки, а он один — козырный туз, барин и аристократ. Для работы со съемочной группой это, может, и полезно, но для занятия общественной деятельностью такая фигура — полный облом.

— Вы бы такого отца имели — думаете, другим бы стали?

— Вот уж не надо. Род у нас не хуже. Недавно указом президента Азербайджана Гейдар Алиева на доме №111 по улице Алиевата Гулиева, где мы жили, в честь моих родителей была установлена мемориальная доска, чем мы с моим братом (Михаил Гусман — первый заместитель гендиректора ИТАР-ТАСС. — Авт.) очень горды. Наш папа, профессор Соломон Моисеевич Гусман, был главным врачом каспийской флотилии. Мама, профессор Лола Юльевна Барсук, — автор учебника по методике преподавания английского языка в азербайджанской школе.

— У Лескова в «Соборнах» какжется, протопол Туберозов говорит: «Горе тому, у кого нет сказки о детстве». У вас есть такая сказка?

— Да все мое детство, как и любое детство, — сказка. Хотя я и дитя военного времени. Пусть жили мы в коммунальной квартире, пусть туалет был, извини, на летней площадке, открытой всем ветрам, и я на всю жизнь запомнил страх холодного утра. Пусть в магазинах Баку во время войны не было никакой еды. Стояли только батареи консервов с надписью «Чатка», то есть крабы, которых никто не ел и не знал даже, как к ним подступиться.

Единственный продукт, который был в Баку и продавался очень дешево — черная икра. И

вот я, откормленный во время и после войны черной икрой, до сих пор не могу избавиться от последствий ее поедания. Хотя всю жизнь боролся с лишним весом и у меня 11 разрядов по разным видам спорта, но худым, увы, я не был никогда.

— Дразнили вас, наверное?

— Еще бы! Но есть и другая история. Моя мама была потрясающе красивой женщиной. В молодости играла в театре Марио Стюарт, считалась звездой. Но папа, который был старше на 12 лет, ревновал ее к театру и в конце концов заставил уйти. Она окончила иняз, стала завкафе-

«В детстве я был очаровательный пухлый малыш». Семейное фото, 1947 г.

рой, пропадала на работе целыми днями. Часто брала и меня с собой в институт. А я был очаровательный пухлый малыш с толстенными щеками, и сотрудники института обступали меня и до боли щипали. Я ненавидел их за это! Почему-то все взрослые думают, что детям приятно, когда их щиплют. Это было очень больно! Я прятался в маминых ногах, а эти женщины, думая, что я так кокетничаю, продолжали охотиться за мной. В 5—6 лет я поумнел, стал вести себя жестче и больше ничего такого не позволял с собой делать.

Восторга при виде ночи не испытывал

— У отца на работе было так же интересно?

Папа был настоящим врачом, человеком с авторитетом во всем советском медицинском мире. Он заведовал кафедрой в институте усовершенствования врачей. Можеет, эта система и сейчас есть? Не знаю. Так вот, отец был не просто влюблен в медицину — он был ее фанат. Помню, вбегает раз к нему врачиха: «Соломон Моисеевич! У Мамедова пошла моча!» И несет какую-то пробирку. Представляешь себе чувства нефтяника, когда он свежей нефтью умывает лицо?! Такое же восхищение испытывал отец, когда смотрел на свет эту мочу, разбирая, мутная она или нет. Я, честно говоря, никакого восторга от вида мочи не испытывал.

— Но на врача тем не менее учиться пошел. Отец так хотел?

— Конечно. Но я, как ни стыдно в этом признаваться, никогда всерьез медициной не интересовался. Но... увлекся психологией. Занимался обучением во сне, ясновидением, психотерапией, пытался двигать предметы на расстоянии, читал Фрейда, что было запрещено...

— То есть худо-бедно, но надежды отца вы все же оправдали?

— Мне бы очень хотелось сказать, что да, но это нечестно. Просто родители считали, что старший брат должен быть врачом, а младший — как мама, переводчиком с английского. Мише повезло: английский ему пригоди-

лся, вот он с Бушем недавно замечательное интервью в программе «Формула власти» записал. А я закончил институт, поступил в аспирантуру и даже тему диссертации получил, хотя параллельно уже начал играть в КВН: «Клинико-психологические корреляции при церебральном атеросклерозе».

— Диссертацию, как я понимаю, вы не защитили из-за КВН?

— Ну да. Впервые мы увидели эту игру по телевизору в 1964 году. И просто сошли с ума. В 1967-м бакинская команда (а создали мы ее всего двумя

Однажды я мог стать американским режиссером-миллионером, ставящим мюзиклы, а в другой раз — «начальником» космических телестов.

годами раньше) впервые выступила на всеоюзном экране и сразу стала чемпионом Советского Союза. В 1970-м выиграли Кубок чемпионов у Одессы. До сегодняшнего дня выясняем отношения, честно или нечестно мы тогда победили. Все эти разборки сегодня, конечно, выглядят очень смешно.

— Ну, тогда, видимо, и КВН был смешнее?

Это миф. Я обожаю нынешний КВН: по уровню шуток, музыкальности, артистичности он великолепен. В этом огромная заслуга Александра Маслякова. Единственное, раньше был лучше развит институт капитана: Матвей Левинтон, Валерий Хаит, Слава Харченко — это люди на все времена. И я, извини, тоже к их числу отношусь, потому что в том же 70-м году выиграл кубок лучшего капитана. Правда, КВН той поры был силен импровизацией. Сейчас ее совсем мало.

В общем, КВН, однажды появившись в моей жизни, навсегда сбил меня с пути истинного. Я написал диссертацию и отдал ее отцу. В это же время за победы в КВН в знак поощрения меня направили в азербайджанскую режиссерскую мастерскую в Москву. Там я и поступил на Высшие кинематографические курсы.

— Учиться на кинокурсах вам больше нравилось, чем в мединституте?

— О да! Чтобы было понятнее: когда я был маленький, у папы было два патефона и виниловые бьющиеся пластинки на 78 оборотов — Бернес, Шульженко. И была одна запись, которую я обожал. Она называлась «Мост через реку Квай» — мелодия, не менее популярная, чем «Рио-Рита». Я слушал ее тысячу раз, но понятия не имел, что это такое, откуда она...

Жил за шкафом у Валерия Фрида

Так вот, поступил я на эти курсы, снял квартиру на Шаболовке, 12. Это была моя первая квартира! До этого я жил у моего друга, сценариста Валерия Фрида, за шкафом. В первый же день учбы я опоздал на занятия по зарубежному кино. В коридоре меня встретила завуч и как начала пилить! Я стою красненький и думаю: «Сто лет мне уже, отучился в школе, мединституте, аспирантуре — и опять пилить! Зачем мне это надо?» И в тот момент, когда я уже решил рвать из Москвы когти, завуч меня отпускает в просмотрный зал. Открываю дверь... и первое, что слышу — мелодию с моей любимой пластинки. Оказыва-

ется, «Мост через реку Квай» — великое кино... И я пересмотрел за эти два года все лучшие фильмы мира, всего Феллини, всего Курасова, всего Бергмана. Все эти Бертолуччи, Антониони и

великолепием знания, подхожу к залу, а там полно народу. Вижу, как красиво серебристый луч от экрана дрожит на лицах зрителей, и доносится невятная американская речь, а бесстрастный голос переводит что-то абсолютно нецензурно. Я обалдел: у нас в Баку сроду никто матом в общественном месте в микрофон не ругался! Как я потом узнал, это Кирилл Разлогов, ныне профессор, доктор искусствоведения, директор Института культурологии, переводил. Тогда было модно так переводить: «fuck you» — так «fuck you».

И в этот же вечер я попал в гости к Игорю Кваше, который меня знал по КВН, и увидел в его квартире всех лучших людей страны — от Высоцкого до Гали Волчек и Бутушенко.

— Не всем москвичам так было?

Было всего два случая в моей жизни, о которых я могу сказать: «Эх, вот если бы я стал...» Однажды я мог стать американским режиссером-миллионером, ставящим мюзиклы, а в другой раз — «начальником» космических телестов, если бы эту должность не отобрал у меня Владимир Познер.

— Шутите?

Начиналось это так. Я работал на ЦТ над поправками к моему телефильму «Не бойся, я с тобой!», когда от посла СССР в США Анатолия Добрынина приехал человек по имени Иосиф Гольдин с предложением провести первый космический телестов между двумя странами. Председатель Гостелерадио Лавин получил это письмо, подписал в пятницу вечером приказ организовать этот первый в истории телестов и уехал на дачу. Все обалдели, потому что никто не представлял, как эти телестовы надо делать. Слышала про синдром 15-летнего капитана? Все в растерянности, а ты вдруг что-то ляпнешь — и потом вся ответственность на тебя и падает. Вот я так и выкрутился, мол, знаю, что делать, и за подлиння превратился в микродиктатора телевидения, этакого калифа на укейфа. Я предложил склеить сюжет минут на 40 об истории советско-американских отношений, а потом сделать большое шоу с Пугачевой. Написали мы с Гольдиным сценарий, в этот же день (кланусь, я не вру) нам выдали корочки как слушателям курсов и сказали, что есть такой новый Дом кино на Васильевской, 13, где показывали иностранные фильмы. И я впервые пришел туда, где проработал потом 16 лет директором и откуда меня не так давно выгнали... Я опять опаздываю, иду по широкой лестнице, потрясенный

Пазолини были для меня, как залатый долом.

В этот же день (кланусь, я не вру) нам выдали корочки как слушателям курсов и сказали, что есть такой новый Дом кино на Васильевской, 13, где показывали иностранные фильмы. И я впервые пришел туда, где проработал потом 16 лет директором и откуда меня не так давно выгнали... Я опять опаздываю, иду по широкой лестнице, потрясенный

перся в этом наряде в посольство. Чувствовал себя полным ишаком... Потом мы сделали еще два моста.

— Ну и при чем тут Познер?

— А при том, что перед третьим телестовом ко мне подошел Гольдин: «Ты, машущий руками на экране, уже не годишься. Нужен нормальный ведущий с хорошим английским. Есть один парень в главной редакции радиопрограмм на заграницу. Пришел милый скромный человек с замечательным знанием языка, который блестяще провел этот телестов. Звали человека Владимир Познер».

Вскоре я получил предложение стать главным редактором телестовов и уехал в Баку собирать вещи. Нелепице две-три мне никто не звонил. И вдруг говорят: «Познер и Митта, кинорежиссер, без тебя делают мост». Я не поверил, пока не увидел в газете анонс, где Познера назвали автором и ведущим этого моста...

Я хотел его убить, а 11 лет после этого за ним гонялся. Ну а потом мы помирились. Обидно только, что, давая интервью вашему же «Совеседнику», Познеру не хватило мужества сказать правду. Что не он был автором и ведущим первых телестовов. Я же не отрицал, что именно его появлением космические мосты стали настоящим телесобытием. Но еще более оторчило, что, когда пару лет назад я предложил Познеру дать Гольдину «ТЭФИ» посмертно, он отомолчался. Может быть, боялся, что станет известна история о первых телестовах?

— Когда ставил мюзиклы, не знал, что они появятся спустя 30 лет

— Этот случай с Познером — один из тех, когда я чувствовал себя Золушкой, которой говорят: «До 12 ночи ты принцесса, потом часы пробьют полночь, и ты получишь хрустальный башмаком по морде». То же самое было, когда я сдавал картину «Не бойся, я с тобой!». Сначала ее приняли на ура, а потом хотели порезать, потому что вышло закрытое постановление ЦК партии и КГБ о запрете каратэ. Но тогда все обошлось.

— Вы, если не ошибаюсь, сняли семь фильмов. Почему же известен лишь один?

— Все они сняты на студии «Азербайджанфильм», поэтому их мало кто видел. Среди них есть несколько картин, которыми я могу гордиться: «В один прекрасный день» про принца марсиан, которых герой видел, а ему никто не поверил. Это была первая роль в кино Семена Фарада, о которой сейчас редко вспоминают. Фильм «Дачный домик для одной семьи» по сценарию Рустама Ибрагимбекова, где Игорь Кваша играл главную роль, — о том, как старая женщина хочет собрать всех своих детей вместе и для этого придумала строить дачу. Но помогает ей только герой Кваша. И конечно, фильм «Не бойся, я с тобой!», который и сегодня крутят по телевидению. Меня это очень радует, потому что недавно ему исполнилось 20 лет.

— А как вас в начале восьмидесятых выпустили из страны?

— Это был один из проектов по линии ЦК комсомола: я

поставил в Далласе детский спектакль «Дитя мира». И с большим успехом. Тогда мне предложили дальнейшее сотрудничество, и я выбрал мюзикл «Дракон» по пьесе Евгения Шварца. Вообще мне очень сейчас и грустно, и смешно, когда о «Норд-Осте» и «Метро» говорят как о первых русских мюзиклах. В 70—80-е годы у нас был бум мюзиклов: «Юнона и Авось», «Тиль», «Три мушкетера», «Холостер» и многие другие. Тогда работали Марк Захаров, Марк Розовский, ленинградский режиссер Владимир Воробьев, композиторы Максим Дунаевский, Геннадий Гладков, Алексей Рыбников, поэты Юрий Ряшенцев, Юлий Ким, Юрий Энтин. Моги ли мы тогда думать, что «настоящие русские мюзиклы» появятся лишь через 30 лет?!

...В Америке у меня во временном пользовании был «Кадилак». Холодильник набит едой. В общем, приезжаю я в театр на «Кадилаке», репетирую, в перерыве беру в автомате пачку «Мальборо», курю и думаю: «Боже! Вот оно — счастье! И за что мне это?» Проходит 10 дней, встаю утром, пью дурацкий сок, сажусь в грязный, с окурками, «Кадилак», опаздываю в театр, обгоняю машины, водители мне что-то кричат и показывают средний палец. В театре танец Дракона не готов, слышу слова финальной песни не выучили, свет дурацкий. Выхожу, курю сигареты, от которых меня почти рвет. «Черт! — думаю. — Те же ощущения, что перед генералкой в родном бакинском ТЮЗе!» И тогда я вдруг понял, что если нет мира и спокойствия в душе, то шмотки и роскошь счастья не принесут. Вроде библейская истина, но додумался до нее я поздно.

Ельцин считал Дон кино своим штабом

— Не обидно, что вас, бывшего весь мир со спектаклями, и мягко говоря, еще кое-какой опыт имеющего за плечами, воспринимают сейчас как героя скандалов?

— Это грустно, но неизбежно. Кто же помнил о победах Наполеона, когда у него начались неприятности? (Смеется.) Простые люди и большие начальники (а они, между прочим, тоже люди) думают примерно так: «А горите вы все огнем! То ли он украл, то ли у него украли — обычные околонушественные разборки». В общем, как у Шекспира, «чума на оба ваших дома».

Умные люди говорят, что все войны заканчиваются миром. Но дело не в том, что меня пытаются отдалить от Дома кино, потому что я мешаю его коммерциализации, а в том, что у меня редкий талант. Михаилу и его подручные волнует еще и то, чтобы меня обидели, унизили, оскорбили и наказать за дерзость. Надо преподать образцово-показательную порку тому, кто посмел пойти против Михалкова, кто дал ему за «Угрюм» меньше «Ники», чем он ожидал. Это вот для меня самое мерзкое и обидное. Поэтому и намешано столько грязи, глупости и глоссы вокруг Дома кино. Понимаешь, когда меня назначили директором по предложению Виктора Мережко, наша с ним цель была преобразовать Дом кино. К тому времени он был просто элитным клубом для маникюрщиц и зубных

врачей, которым члены СК давали билеты. А мы хотели превратить его в центр общественной жизни. В частности, мы провели первый в России вечер, посвященный Солженицыну. Там КГБ на люстрах висел. И Андрей Смирнов под свитером провез кассету с записью этого мероприятия Александру Исаичу в Вермонт. У нас проходили собрания всех демократических групп, Ельцин вообще рассматривал Дом кино как свой штаб. Не хочу себя делать героем революции, но действительно есть что вспомнить.

— Что сейчас происходит там?

— Не знаю. Я туда приду только с судебным исполнителем и с ОМОНОМ. Потому что то, как меня отстранили от должности, было нарушением всех законов. Естественно, я подал в наш «самый справедливый в мире советский суд» — за клевету в том числе...

— Но ведь нелегко в программе Владимира Соловьева Михалков говорил о том, что не имеет отношения к решению секретариата СК о нашем увольнении...

— Это беззастенчивая ложь, которая у людей, знающих нравы СК, может вызвать только грустную усмешку.

— На что же вы надеетесь?

— Я не напеюсь. Я готовлю 16-ю «Никку», которая пройдет уже, к сожалению, не в Доме кино. Я собираюсь снимать фильм «Парк советского периода» по сценарию Эдуарда Акапова. Это притча о молодом журналисте, у которого не клеится жизнь. И тогда друг предлагает ему пожить в новом парке, где на огромной территории воссоздана советская власть в идеальном варианте, там все придумано для счастья. А он, дурак, нарушает правила игры. Мысль такая: если у человека нет внутренней гармонии, ему сложно жить в любой системе. Особенно когда кругом моральный чернбыль, как сегодня у нас в СК.

Я никогда не думал, что сам увижу и почувствую на своей шкуре времена Жданова. Раньше вот был институт дуэли или хотя бы по морде можно было дать — сегодня, увы, приходится судиться.

— О каких судах вы говорите?

В том же интервью Соловьеву Михалков сказал, что «понятия не имеет ни о каких судах с Гусманом».

— И тем не менее его адвокаты открыто выступают на всех радиостанциях и уже дважды откладывали слушания дел. Михалков — бизнесмен эпохи «отца капитализма», велит себя так в-точь как в джунглях: платывает очерченную лобичу (в нашем случае — Дом кино) и отползает в кусты отдыхать. Но потом вылезает и вновь набрасывается на следующую жертву. Однако на этот раз у него ничего не выйдет. Когда я выиграю все процессы, то, может, и в вашей газете появится мелким шрифтом: «Вчера суд такого-то района признал слова «Гусман — козел» неправомерными и обязал господина N выплатить 5 тысяч рублей, которые истец перечислил в левские дома». Такое вот будет мне поздравление к юбилею.

■ Ольга Сабурова.

Фото на развороте Влада Бурыкина и из личного архива Ю. Гусмана